

УДК 316.347(470+571)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СПЕЦИФИКИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

И. С. СЕДОВ

*Российский
государственный
торгово-экономический
университет*

В данной работе рассматриваются проблемы конфликтного взаимодействия этнических общностей, закономерности пространственного характера в специфических условиях действия мировых и региональных «центров силы», а также некоторые прикладные социологические вопросы, находящиеся в плоскости межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональные отношения, конфликт, геополитика.

Расползание смыслов и пространств, свойственное постсоветской эпохе, не могло не отразиться на практике взаимодействия культурных солидарностей. Распад Советского Союза стал трагедией многих народов, населявших огромный евразийский ареал, ибо эти народы отличал ряд уникальных свойств, зримо проявлявшихся в зонах межэтнического контакта ещё в более ранние исторические периоды.

Л. Гумилёв утверждал, что этнические общности (народы) Российской империи (а в равной степени и СССР, правда, не без исключений) обладали значительным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психологическим сходством и часто возникающей взаимной симпатией (комплиментарностью).

Что есть комплиментарность и каковы формы ее проявления? Обратимся вновь к Л. Гумилеву.

«В становлении первичного коллектива, зародыша этноса, главную роль играет неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу. Такая тяга есть всегда, но когда она усиливается, то для возникновения этнической традиции создается необходимая предпосылка. А вслед за тем возникают социальные институты. Итак, рождению любой этнической традиции и сопряженного с ней социального института предшествует зародыш – объединение некоторого числа людей, симпатичных друг другу»¹.

Далее вопрос рассматривается в несколько иной, но параллельной плоскости: что именно цементирует разных людей, часто непохожих друг на друга, в целостность, называемую этнической?

Почему афинянину был ближе его враг – спартанец, чем мирно торгующий с ним финикиец? (современная аналогия – украинец-«хохол» и азербайджанский торговец для русского). Ответ укладывается в рамки того, что афиняне и спартанцы – греки, эллины, а русские и украинцы – восточные славяне, россы, т.е. единый, хотя и политически раздробленный этнос.

Новое понятие, введенное Л. Гумилевым и как бы дополняющее ответ – природное этническое поле, подобное известным электромагнитному, гравитационному и др., но вместе с тем отличающееся от этих полей.

Проявляется же факт его существования, по Гумилеву, в коллективной психологии, воздействующей на персоны. Такое этническое поле (или феномен, ему равноценный) мы воспринимаем как этническую близость – или, наоборот, чуждость.

«Когда носители одного ритма сталкиваются с носителями другого, то воспринимают новый ритм как нечто чуждое, в той или иной степени дисгармонирующее с тем ритмом, который присущ им органически. Новый ритм может иногда нравиться, но несходство фиксируется сознанием как факт, не имеющий объяснения, но и не вызывающий сомнения»². А проявляются ритмы этнополя в стереотипе поведения (неповторимом).

При колонизации Америки было замечено, что испанцы и французы относительно легко вступали в контакты с индейскими племенами, тогда как англосаксы (WASP)

¹ Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. – С-Пб.: Азбука-классика, 2002. С.269.

² Там же. С.353.

вели с ними практически войну на уничтожение. Русские легко смешивались с татарами и бурятами, без труда растворялись среди якутов, но с индейцами «Русской Америки» (Аляски и Сев. Калифорнии) не поладили и не смогли там закрепиться.

Л. Гумилев объясняет это тем, что каждый этнос – это поле с определенной частотой колебаний, и если в ритмах полей этносов имеются «созвучия», их взаимодействие будет носить неконфронтационный характер³.

Проиллюстрируем всё вышесказанное данными авторских исследований, проведенных методом анкетирования в студенческой среде (респондентами являлись студенты (русские и татары) вторых курсов Саратовского агроуниверситета и сельхозтехникума, февраль-июнь 2004г, объём выборки – 200 чел.). По половому признаку респонденты распределились следующим образом: 87% – девушки, 13% – юноши. При рассмотрении результатов опроса оказалось, что около 88% студентов-татар согласились бы жить в одной комнате общежития с русскими (ответ «нет» встретился только в 8% случаев).

Далее 29% татар согласны связать себя узами брака с лицами русской национальности (ответивших «нет» – 27%). Среди русских аналогичные показатели по отношению к татарам таковы: 54%(9%); 35%(47%).

Совместный с представителями татарской национальности бизнес не против вести 44% русских, 38% не возражают, чтобы их предприятием руководил татарин.

Следует отметить, что Российская империя (Русь) колонизовала восточные пространства совершенно иначе, чем, например, Великобритания или другие страны западной цивилизации. По Гумилеву различаются два типа колониальной политики: «если из страны едут крестьяне, которые хотят своими руками работать на новой, захваченной ими земле, – это колонизация. Если едут солдаты, чиновники и купцы, стремящиеся получать доходы с подчиненной страны, это колонизаторство».

В данном плане интерес представляет следующее небольшое историко-методологическое отступление. «Отец» политической географии Фридрих Ратцель в основу своей теории о государстве и обществе положил две соединенные идеи. Одна из них – это вывод об определяющей роли географических факторов для развития социума. Вторая есть мысль о государстве как типе живой органики, интегрирующей свойства народа и земли, и подобно всем организмам, борющимся за свое существование. Будучи живым организмом, государство движется и растет, как целое. Семь главных законов пространственного роста государства, по Ратцелю таковы:

- 1) пространство государства растет вместе с ростом культуры;
- 2) рост государств происходит одновременно с общим развитием нации и сопровождается развитием идей, торговли, активностью людей;
- 3) рост государств осуществляется путем присоединения и поглощения малых государств;
- 4) изменения в организме-государстве (рост и сокращение) отражает его граница, которую Ф. Ратцель называл «периферийным органом государства»;
- 5) в процессе роста государство, прежде всего, стремится вобрать в себя «политически ценные» места: береговую линию, русла рек, районы с богатыми ресурсами;
- 6) первый импульс к территориальному росту приходит к примитивным государствам извне;
- 7) общая тенденция к слиянию переходит от государства к государству, набирая силу по мере перехода⁴.

Ратцель утверждал, что «государства имеют тенденцию вращаться в естественные пространства», и эта их тяга может быть удовлетворена лишь в границах континентов. Народ растет, увеличиваясь в числе, государство, увеличивая свою территорию, присоединяет новые земли путем внутренней и внешней колонизации. «Новое пространство, в которое вращается народ, является, – писал Ратцель – как бы источником, из которого государственное чувство черпает новые силы».

Его последователь Рудольф Челлен сформулировал «органическую теорию» государства. Ее суть в следующем. Подобно другим организмам, государства рождаются, раз-

³ Там же. С.479.

⁴ Политическая география и законы пространства // Материалы сайта htn Narod ru/ 25/12/2004/

виваются, увядают и умирают, т.е. представляют собой формы жизни. Их бытие подчиняется всеобщему закону борьбы за существование. В жизнедеятельности государств борьба за существование проявляется в борьбе за пространство. Р. Челлену принадлежит идея тотальности государства как единства пяти элементов:

- 1) физико-географический (пространственный) организм;
- 2) определенная форма хозяйства;
- 3) определенная этническая общность;
- 4) социальное сообщество (структура) классов и профессий;
- 5) форма государственного правления (со своей конституционной и административной системой).

По его выражению, все это образует «пять элементов одной и той же силы, подобно пяти пальцам на одной руке, которая трудится в мирное время и сражается в военное»⁵.

Предлагаю остановиться подробнее на отдельных положениях двух крупных мыслителей, а также дать им несколько иную интерпретацию. Во-первых, на мой взгляд, существует явление своеобразного «врастания» в этноцивилизационное пространство, каковым для России представляется не площадь в границах континента (по Ратцелю), а пространство несколько иного порядка. Это, во-первых, территории геостратегического характера, «буферные зоны», а также своего рода геополитические «коридоры» к мировым рынкам, очагам культуры, обеспечивающие развитие. Во-вторых, это исторически (и не только исторически) родственное (комплиментарное) этнокультурное пространство.

С учётом данных (двух) тезисов подобным пространством для России, по мнению автора, является территория не только Украины и Беларуси, но и, например, Польша, Болгария, некоторые республики бывшей Югославии, Чехословакия, страны Балтии (кстати, и сегодня прибалтийские республики – это каноническая территория Русской Православной Церкви). Вместе с тем, как было показано выше, Аляска и Сев. Калифорния таковым пространством для России, увы, не являются.

Геостратегическое противоборство с мировыми «центрами силы» привело к ампутации «политически ценных мест» и усечению нашей территории практически до масштабов допетровской России. Указанный фактор, кроме того, является одной из причин роста этносоциальной напряжённости и эскалации этнических конфликтов. Рассмотрим более подробно фактор геополитического соперничества в регионе.

Это соперничество относится к экзогенным (т.е. внешним по отношению к избранной нами для анализа общественной системе) факторам, создающим определенную угрозу для политической стабильности в регионе, способствующим актуализации конфликтов на этнической, этноконфессиональной, национально-культурной почве.

Внешнее влияние можно сгруппировать по видам в зависимости от субъектов-носителей такого влияния. Это могут быть отдельные организованные группы лиц, заинтересованных в этнической дестабилизации на территории объекта геополитических экспансий. Это могут быть целые государства, население которых в силу различных исторических условий, а также современных интересов видит в жителях соседней страны своих соперников, врагов и всегда готово подлить масла в огонь этнических конфликтов на "враждебной" территории. Это могут быть целые альянсы, объединяющие группу государств в организации, за которыми скрывается страх каждого из участников этого альянса оказаться один на один с более сильным соседом. Наконец, это могут быть мировые центры, которые усматривают свой интерес в развитии этнических конфликтов, так или иначе ослабляющих страны, объективно выступающие их геополитическими противниками. В данном плане интересен теоретический вывод Л. Гумилёва об исторической «однбокости» наших (российских) отношений с западным миром: «мы Запад любим, а он нас не любит».

Особенно остро влияние этих факторов проявляется в эпоху геополитического переустройства мира, когда появляются «свежие» геостратегические центры, стремящиеся занять свое место в новом раскладе сил в том или ином регионе, либо активизируются прежние геополитические акторы, утратившие было свое влияние, но стремящиеся воссоздать его⁶. Возникновение этнического конфликта, таким образом, сказывается не

⁵ Политическая география и законы пространства // Материалы сайта htn.Narod.ru/ 25/12/2004/

⁶ Авксентьев В., Бабкин И., Медведев Н., Хоц А., Шнюков В. Ставрополье: этноконфликтологический портрет. – Саратов: Изд-во СГУ, 2002. С.9.

только на обстановке внутри страны, в которой случился конфликт. «Этнические группы стали признанными самостоятельными действующими лицами в международной политике», – отмечают американские этнополитологи Т. Гурр, Б. Харф. Дестабилизирующее, деструктивное значение такого конфликта многократно усиливается за счет сочувственного и заинтересованного отношения извне к отдельным этническим группам [1, с. 9]. Нередко это сочувствие выражается в скрытой или открытой помощи инициаторам конфликта. Эта помощь может быть разнообразной, – от тенденциозной трактовки сущности происходящего конфликта в средствах массовой информации до подбрасывания различных идеологических лозунгов, клише, рассчитанных на массового участника конфликта; от принятия мер демонстративного характера, типа акций ОБСЕ в связи с событиями в Чечне, до организации финансовой и военной помощи участникам вооруженной борьбы; от установления тайных отношений с руководителями военных организаций до приглашения их эмиссаров на международные форумы с якобы миротворческими целями; от далеко не бескорыстной поддержки сепаратистских устремлений до инициирования террористической войны. Т. Гурр и Б. Харф обращают особое внимание на внешнюю поддержку этнических меньшинств, вовлеченных в конфликт, которая может вестись в следующих основных формах: словесное поощрение и советы, финансовая помощь; передача информации разведывательного характера; предоставление безопасных условий проживания для беженцев и переселенцев; направление коммерсантов и военных советников; передача вооружения и боекомплектов⁷.

Особо дестабилизирующую роль играют сепаратистские силы, задающие тон всему этноконфликтному процессу в регионе, даже за пределами тех территорий, которые становятся объектом сепаратистских устремлений. Сам сепаратизм возникает как позиция определенных групп, слоев общества и является отражением реально сложившейся ситуации в области внутригосударственных отношений. Однако сепаратизм выступает важным фактором и межгосударственных отношений, международной политики. Дело в том, что никакой народ или социальная общность не существуют в политическом вакууме. Сепаратизм всегда связан с «перетеканием» народов от одного государственного образования к другому, с изменением границ, с территориальными переделами и поэтому выполняет определенные геополитические функции. Сепаратизм всегда есть отношение, центральным звеном которого выступает отделяющаяся или претендующая на отделение сторона. Тем самым отделяющаяся часть государства оказывается включенной в конфликтные отношения межгосударственного характера. При этом отделяющаяся часть попадает в центр пересекающихся интересов стран, претендующих на распространение своего влияния на вновь возникшее государственное образование. В конце концов, новое государственное образование оказывается вынужденным принять чью-то сторону в глобальном геополитическом противостоянии.

Список литературы

1. Авксентьев В., Бабкин И., Медведев Н., Хоц А., Шнюков В. Ставрополье: этноконфликтологический портрет. – Саратов: Изд-во СГУ, 2002.
2. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. – СПб.: Азбука-классика, 2002.
3. Политическая география и законы пространства // Материалы сайта htn Narod ru/25/12/2004/.

ETHNOGRAPHIC SPECIFICITIES IN A GEOPOLITIC CONTEXT

I. S. SEDOV

*Russian state trade
and economic university*

The work discusses the problems of ethnic interactions, spatial regularities in the specific conditions of global and regional «force centres». The paper considers also some applied sociological questions of national interactions.

Key words: international relations, conflict, geopolitics.

⁷ Там же.